

Следуя за Богом

"Если по какому-нибудь случаю мы почувствуем очарование смерти, не легко уйти из ее круга. Больше того, думая о смерти, мы как будто описываем вокруг нее круги." (Филипп Майнлендер)

Под катом подборка о Майнлендере из различных статей. Все стоящее, что я смог выудить из мировой паутины.

Избранное о Филиппе Майнлендере

Майнлендер, Филипп Philipp Mainländer (1841-1876) Немецкий философ. Настоящее имя Филипп Батц. Сын торговца. Учился в Дрезденском коммерческом училище. В 1858-1863 жил в Италии, самостоятельно изучал философию. Находился под влиянием идей Спинозы и Шопенгауэра. По возвращении в Германию работал в фирме отца. Из патриотических соображений добровольно отбыл воинскую повинность. Писал стихи, но главным трудом М. считается трактат "Философия отречения", в котором он изложил собственную космогоническую теорию. Согласно гипотезе М., отправной точкой существования мира стала смерть Бога. История вселенной - это агония разлагающихся частиц Высшего Существа. Поэтому человек обречен на страдание и одиночество. На следующий день после выхода книги М. зарезался (по другим сведениям повесился). Этот суицид "с рассудка" был одним из первых в череде логических самоубийств, предсказанных Достоевским в романе "Бесы".

Григорий Чхартишвили // "Писатель и самоубийство: Энциклопедия литературцида"

1 апреля 1876 года некто Филипп Майнлендер, никому не известный молодой человек 34 лет, получил из берлинской типографии Грибена только что отпечатанные авторские экземпляры своей почти шестисотстраничной книги "Философия искупления". Некоторые из них он оставил в комнате, другие снес на чердак. Вернувшись, он соорудил из книг подест, взобрался на него, ухватился за заранее укрепленную петлю и просунул в нее шею. Оставалось поработать ногами, что он и сделал, упершись в книги одной ногой и резко оттолкнув свободной свежее, пахнущие еще типографской краской экземпляры: Смерть вызвала толки, но говорили немного, меньше всего коллеги-философы, узнавшие о существовании философа Майнлендера уже после того, как существование это прекратилось, и как раз потому, что оно прекратилось. Интересно, что случившееся никак не повлияло на интерес к книге, как этого можно было бы ожидать по аналогии с книгой другого самоубийцы, Отто Вейнингера. На что "Философия искупления" оказалась годной, так это на то, чтобы помочь автору дотянуться до петли.

<...>

Майнлендер не картезианец, а просто влюбленный в Шопенгауэра и смерть немец. Покончить с собой ему мешает как раз абсурдность существования, отсутствие смысла. Он и пишет свою книгу с единственной целью: придать миру смысл, чтобы иметь основания уйти из него. Детской радостью отдает от слов, которыми он завершает одну из глав своей книги: "Nun ist auf einmal Sinn auf der Welt" (Ну вот, наконец-то в мире есть смысл). Уход Майнлендера - искупление

Шопенгауэра по методу Штирнера. Станным образом Мировой Воле захотелось отрицать себя в Шопенгауэре за письменным столом, но не за обеденным, и уж никак не в послеобеденной обязательной игре на флейте. Эта непоследовательность старого философа, о которой поведал его биограф, воспринималась как курьез, милая анекдотическая деталь, лучше всего годящаяся быть рассказанной за каким-нибудь еще обеденным столом. Ницше, разочарованный шопенгауэрианец, жестоко высмеял её. Молодой энтузиаст Майнлендер просто сделал её несмешной.

Свасьян К.А. // "О конце истории философии"

Немецкий философ Майнлендер, вполне разделяющий идеи Шопенгауэра относительно страданий человеческого существования, возражает против его [CdG: Гартмана] мнения о смирении и нирване, как решения общей жизненной задачи. Майнлендер также охотно принимает установление Гартманном три периода иллюзий человечества, но он резко восстает против принятия воли жить с целью содействовать космическому процессу. "Как! — говорит он, — вы советуете предоставить себя общему мировому ходу и в то же время проповедуете: избери себе какую-нибудь карьеру, изучи какое-нибудь ремесло, зарабатывай деньги, богатство, славу, могущество, почести и т. д.; женись, рождай детей! Другими словами, вы собственноручно разрушаете единственную ценную сторону вашего труда — анализ иллюзий. Вы внезапно советуете тому, кто проник в смысл всех иллюзий, подчиниться им, точно иллюзия, с которой сорвано покрывало, — все еще иллюзия и может оказывать какое-нибудь воздействие!" (т. II, стр. 637).

Вся задача совсем иначе представляется Майнлендеру. Убежденный, как и предшественники его, в суетности счастья., он совершенно своеобразно рисует себе космический процесс. Он думает, что неопределимое божество существовало до мира. Прежде чем исчезнуть, «оно дало начало Вселенной». Последняя стала средством для достижения полного небытия. "Мир, — говорит Майнлендер, — есть средство для цели небытия и даже единственное возможное средство для этой цели. Бог нашел, что ему возможно только через развитие реального мира... перейти от бытия к небытию". Во всяком случае Майнлендер считает совершенно достоверным, что "Вселенная движется в направлении небытия" (т. I, стр. 325). Движение это характеризуется ослаблением суммы сил. Вследствие такого ослабления своей силы каждый индивидуум в своем развитии дойдет до такой ступени, когда его желание небытия сделается осуществимым (стр. 327). Жизнь на нашей планете следует считать ступенью по направлению к смерти.

Для того чтобы хорошо оценить все счастье смерти, необходимо достаточно изведать жизнь, и вот почему у всех животных так развито чувство самосохранения. Человек сначала проходит через ступень развития, на которой он похож на всякое другое животное: "Как у такового, воля жить у него стоит впереди воли умереть; жить ему хочется дьявольски, и в такой же степени ненавидит он смерть".

"Сначала, с одной стороны, преувеличивается страх смерти, а с другой — любовь к жизни. Страх смерти усиливается. Животное не знает смерти и боится ее только инстинктивно, замечая какую-нибудь опасность. Наоборот, человек хорошо знаком со смертью и понимает ее значение. Он отдает себе отчет в своей прошлой жизни и старается узнать, что предстоит ему в будущем. Таким образом, он замечает гораздо больше, даже без сравнения опасностей, чем животное". В продолжение этого периода человек всячески избегает смерти и старается сделать свою жизнь как можно более счастливой и утонченной.

Но не это есть последняя фаза его развития. Мыслитель вскоре приходит к тому убеждению, что жажда жизни не составляет настоящей цели Вселенной. Она служит только средством для познания глубокой и конечной цели существования, которая заключается в прекращении жизни. Философ вскоре замечает, что настоящее счастье невозможно и что одна смерть желательна. Подводя итог всему этому космическому процессу, мы приходим к следующему заключению: "все на свете представляет собою волю умереть: она только более или менее замаскирована, когда в органическом мире является в виде воли жить" (стр. 334). В конце концов, однако, воля умереть все более и более обрисовывается, так что философ "во всей Вселенной видит одно глубочайшее желание полного уничтожения и ему чудится, будто он ясно слышит призыв, проникающий во все сферы небесные: Освобождение! Освобождение! Смерть нашей жизни! И утешительный ответ: Все вы найдете уничтожение и освобождение!" (стр. 335).

Чтобы нагляднее показать ход этой эволюции, Майнлендер рисует душевное состояние того, кто приходит к воле умереть и кончает жизнь самоубийством. "Сначала он бросает тревожный взгляд на смерть и с ужасом отворачивается от нее. Затем он с трепетом вращается вокруг нее отдельными кругами. Но каждый день круги эти становятся уже и, в конце концов, он усталыми объятиями обнимает смерть и смотрит ей прямо в глаза: тогда обретает он покой, тихий покой" (стр. 349).

Нелепо верить, будто после смерти ждет нас что бы то ни было, кроме полного уничтожения. Обыкновенный человек боится этой перспективы, "но главное в том, чтобы человек овладел Вселенной при помощи науки", и "мудрец прямо и радостно смотрит в глаза полному уничтожению" (стр. 358).

"Исходя из воли жить Шопенгауэра, — говорит Майнлендер, — я пришел к воле умереть как к конечному заключению. Становясь на плечи Шопенгауэра, я поднялся до точки зрения, никем не достигнутой раньше меня». «В настоящее время я один; но за мной — все человечество, жаждущее освобождения и цепляющееся за меня; я вижу перед собою светлую и лучезарную зарю будущих времен" (т. II, стр. 242).

Я остановился на этом изложении не вследствие прочности доводов Майнлендера, но исключительно ввиду того, что этот философ-пессимист оказался гораздо последовательнее всех своих предшественников. В то время как Шопенгауэр и Гартманн, несмотря на глубокое убеждение в отсутствии счастья и в громадном преобладании страдания при всевозможных условиях существования, все же продолжали жить, Майнлендер, верный своей теории, покончил самоубийством, едва достигнув 35 лет.

Мечников И.И. // "Этюды о природе человека"

Неведомый странный мыслитель [CdG: Шопенгауэр] уже в 70-е годы становится властителем дум и таким, что находятся адепты, преобразовывавшие его пессимистическую философскую метафорику в реальную программу личной жизни. Таков Филипп Майнлендер (1841–1876), один из первых и последовательнейших учеников "франкфуртского отшельника".

<...>

В свое время мы ввели понятие "биографический тип", чтобы выразить интуицию ухватывающую и доводящую до понимания смысл связи между структурой и качеством индивидуальных жизней-биографий и таковыми же особенностями той культуры, которой они принадлежат. Люди неосмысленно как бы "следуют" ее предписаниям, точнее, в своей жизни воспроизводят основные культурные компоненты, их конфигурацию. Жизнь ныне позабытого, а некогда произведшего некоторое впечатление на впечатлительные преимущественно артистические умы европейцев, упомянутого Ф. Майнлендера тому пример. [7.Его настоящее имя было Филипп Батц.] Сын торговца из германского городка Оффенбах над Майном, он с ранних юношеских лет обнаружил неодолимые ярко выраженные гуманитарные наклонности, помешавшие ему наследовать надежную расчетливо-деловую профессию своего отца. Умственным исканиям впечатлительной натуры, в которой уже предчувствовалась хрупкость и капризная изломанность характера молодых людей, составивших поколение декадентов, была как бы предопределена встреча с философией Шопенгауэра. Роковая встреча произошла в год смерти философа — 1860, год, отмеченный и взрывом общего интереса к его метафизической системе. Именно тогда в руки юноши случайно попал том "Мир как воля и представление". Ни один человек до этого не читал этот труд с таким жаром и лихорадочной интенсивностью, с каким поглотил его Майнлендер. И хотя после этого философские штудии Майнлендера продолжались столь же интенсивно, охватывая десятки философских имен и систем, ничто уже не могло победить в нем той зачарованности вдруг открывшимся смыслом бытия и его философской достоверности, какую он воспринял из сумрачной метафизики волевого принципа мира: "Лишь четыре имени перенесут все штормы и перемены надвигающихся времен и исчезнут только вместе со всем человечеством, имена Будды, Христа, Канта и Шопенгауэра", — писал позднее Майнлендер. Характерен сплав имен! Это не эклектика, если вспомнить, что и Канта эта эпоха воспринимала как одного из родоначальников пессимизма.

Но это не был слепой последователь, правоверный эпигон, лишь толкующий на свой лад зады поучений мэтра. В философии Шопенгауэра он находит нелепости, наслоения, мешающие восприятию ее основной идеи и посвящает свою жизнь ее очищению. В этом он видит и свой нравственный долг перед памятью умершего учителя. Какова же эта идея в восприятии Майнлендера? Она по сути проста — бренность бытия. Критически преодолевая и перерабатывая Шопенгауэра, он постепенно создает собственную философию — "философию избавления", под которым названием и выходит в 1876 году его главный и единственный труд. [8. Mainlender Ph. Die Philosophie der Erlösung. 2-te Aufl. Berlin, 1979.] Убедившись в том, что книга «пошла», Майнлендер совершает единственно возможный поступок, в его представлении согласующий необходимым образом жизнь с учением, — кончает жизнь самоубийством. Книга, действительно нашла заинтересованного читателя. Нам известны 3 немецких ее издания в XIX веке, что для труда весьма объемистого и лишённого литературного блеска и остроумия, какими отмечены сочинения Шопенгауэра, было весьма значительным успехом. Смерть Майнлендера представилась как необходимая заключительная глава его теоретической системы и таковой действительно воспринималась. Ее эхо прокатилось по Европе, став культурно-этическим событием, еще долго звучало в мире.

Неожиданной иллюстрацией сказанному служит жизнь знаменитого японского писателя Акутагавы Рюноске, если не последователя Майнлендера, то знавшего его труд и судьбу, глубоко воспринявшего дух европейского философско-эстетического пессимизма. Ему принадлежат великолепные характеристики культуры, которую мы здесь имеем в виду, вскрывающие ее корни, самую суть, и формы ее выражения: "эти великолепные, словно сверкающая цветами радуги испанская мушка, цветы зла", испускающие "величественный аромат разложения". Акутагава покорен описанием "очарования смерти" Майнлендером, «не выпускающей нас из

своего круга». Видимо, для самого Акутагавы оно оказалось сильнее сознания "болота декаданса", в которое погружается жизнь человека, отбрасывая мораль, покидая Бога, отказываясь от любви. [9. Акутагава Рюноске. Паутина. Новеллы. М., 1987. С. 103-104, 355.] Какую же идею Шопенгауэра выявил и отшлифовал Майнлендер? Суть воззрений его сводится к внешне парадоксальному отождествлению смерти, процесса умирания с жизнью. Все, что существует, существует как процесс умирания, перехода из бытия в небытие, из наличного состояния в ничто. Каждому предмету этого мира предназначено умереть, исчезнуть, и надлежит только обрести отвагу, нравственное мужество, чтобы признать этот факт как удел каждого, ибо целью жизни является не она сама, а ее противоположность — уничтожение. И эта общая устремленность всего сущего не есть результат действия слепых бессмысленных сил: такова воля Бога.

Следует обратить внимание на своеобразную трактовку теизма в концепции Майнлендера, в которой и заключен источник его пессимизма. В ней причудливым образом сплелись мотивы платоновского — шире: неоплатонизма — учения о Первоединстве и христианизированной сотериологии. Изначально было абсолютное, совершенное, неподвижное Бытие, всеохватывающее нерасчлененное, самому себе равное Первоединство. Увы, мы, находящиеся в мире призрачного бытия бесконечных становлений и исчезновений, ничего более о нем знать и сказать не можем. И его он называет Богом. Но был ли он всемогущ и абсолютно свободен? Решая эту проблему, Майнлендер демонстрирует своеобразную диалектическую хитрость. Бог всемогущ, но только в свободе к существованию и в изменении его модуса. Таким модусом явился его переход от истинного своего первобытия в неистинное бытие мира, лишённого целостности, распадающегося на множественности отдельных частных существований, каждое из которых, и сам мир в целом, стремиться к небытию. Это означало смерть Бога, выступающую в форме жизни этого мира: "Бог умер, и его смерть стала жизнью мира".

Учение о смерти Бога стало сущностью своеобразного атеизма Майнлендера, сводящегося к формуле, что «миру недостает» Бога вследствие его собственной смерти. Таким образом, перед нами концепция танатологии, пытающаяся преодолеть упрощенный биологически окрашенный фатализм, как «проклятия смерти» тяготеющего над всякой тварью и человеческим родом, вовлекающего их в бездонную воронку всепоглощающего небытия, к которому устремлена "слепая Природа". Порождая своей смертью здешний мир, Бог передает ему свою свободу к бытию, жизни. Она противостоит воли к смерти. Мы видим повсеместно проявление стихийного стремления к жизни в размножении растений и животных и продолжению рода. Оно задерживает факт перехода в ничто, создавая иллюзию вечности жизни. Только человеку свойственно овладеть и воплотить принцип безусловной смерти. Разве он не проявляется в сознательном сохранении девственности, этого способа "любования смертью", безразличии, и, наконец, в совершении самоубийства? Ведь все эти поступки согласуются с самой божественной волей. Метафизика смерти дополняется Майнлендером и культурфилософскими аргументами. Их существо удивительным образом совпадает со строем мысли Эдуарда фон Гартмана. "Философия бессознательного" последнего, получающая неизмеримо большую известность в интеллектуально-художественной среде Европы, чем труд Майнлендера, возможно более философски последовательна и утонченна, но в принципиальном отношении содержит такие же установки и конечные выводы. На этом сходятся все исследователи европейского пессимизма XIX века [10. Chamot M. Filozofia zbawienia Philippa Mailendera / Colloquia Communia. 1985, N 3/6. S. 21-28.].

Существо аргументов Майнлендера достаточно банально. В них угадываются те мысли о природе неравенства и насилия, которые волновали европейскую философию еще периода Просвещения, начиная от Гоббса и до Руссо. Только в ситуации своего первоначального природного состояния человек обладал действительной свободой, не скованной никакими общественными ограничениями и нравственными принципами. Но достижение полноты бытия индивида, логика его эгоизма неизбежно ведет человека к конфликту с себе подобным. Стремление к обеспечению безопасности служит основанием учреждения особых установлений, из которых рождается государство со всеми его атрибутами принуждения, ограничения и подавления человека. Счастье становится абсолютно невозможным, а личная жизнь — лишённой смысла. В ней он встречает только конфликты, страдания, борьбу злых начал. Каждый живет по программе самоутверждения личной воли, в стремлении к господству над другими. Имеется только один осмысленный поступок для человека, стремящегося к избавлению от тягот бессмысленного бытия — добровольная смерть. Государство и общество должны стремиться к такому устройству, при котором формировалась бы культура понимания бесцельности жизни и сотрудничества с Богом в его стремлении к ничто. Финальным актом исторического бытия человека должен бы стать акт коллективной добровольной смерти всех. Тогда, через смерть культуры, осуществиться до конца истинная смерть Бога.

Нетрудно видеть, что трагический пессимизм Майнлендера, был частным случаем выражения нарастающих тревожных мыслей, питаемых не только факторами складывающегося общественного и культурного порядка жизни, с ясным ощущением порога эпохи и неопределенности будущего, но и токами, идущими из мира большой науки, наполнявшейся новыми представлениями о конечности мироздания, его катастрофических процессах и

энергетическом финализме, не укладывающихся в традиционные детерминистические схемы традиционного мышления. Ответом на этот духовный катаклизм было становление новых форм культурно-нравственных идентификаций и культурно-исторических ориентаций человека. В них заметное место заняли нигилистический пессимизм и катастрофическое мироощущение, метафизика конца и эстетизация смерти как фундаментальной человеческой и культурной положительной ценности. [11. С 70-х годов можно фиксировать неустанный рост философского и культур-теоретического интереса к проблеме нигилизма, как одной из форм универсального пессимизма и философии бессмысленного. В разных отношениях она интересовала Эрнста Юнгера и его оппонента М. Хайдеггера. С ней закономерно связывали идеологию и практику революционаризма и анархизма, тоталитаристские стремления вопреки их «созидающим» интенциям, бунтарские установки юнократизма и волну феминистического протеста. См. Обзор проблематики и ее типологизацию с учетом генезиса основных идей нигилистических учений: Winifred Weier. Die definitiven Ursprünge des Nihilismus // Studia Philosophica, 1974. Vol. 34. S. 162-199 (Jahrbuch der Schweizerischen philosophischen Gesellschaft).]

Солонин Ю.Н. // "К проблеме европейского пессимизма как явления философии и культуры" [CdG: абсолютно идентично - Дудник С.И. // "Философский пессимизм как выражение кризиса культуры". Но статья Солонина была опубликована за 4 года до Дудника.]

Или позволительно ли было бы причислить к настоящим немцам таких дилетантов и старых дев, как слащавый апостол девичества Майнлендер? В конце концов он был евреем (все евреи становятся слащавыми, когда морализируют). Ни Банзен, ни Майнлендер, ни даже Эдуард фон Гартман не дают никакой сколько-нибудь надежной возможности для ответа на вопрос, был ли пессимизм Шопенгауэра, его объятый ужасом взгляд на обезбоженный, глупый, слепой, свихнувшийся и подозрительный мир, его честный ужас... не только исключительным случаем среди немцев, но и немецким событием: тогда как все стоящее на переднем плане, наша храбрая политика, наша веселая патриотщина, которая довольно решительно рассматривает все вещи с точки зрения одного мало философского принципа («Deutschland, Deutschland über alles»), стало быть, *sub specie speciei*, именно немецкой *speciei*, - все это с великой отчетливостью свидетельствует о противоположном. Нет! Нынешние немцы вовсе не пессимисты! И Шопенгауэр был пессимистом, повторяю снова, как добрый европеец, а не как немец.

Фридрих Ницше // "Веселая наука"

◀ **Филипп** ▶ ▶ **Майнлендер** ▶ (1841-1876), один из первых и последовательнейших учеников «франкфуртского отшельника». В свое время мы ввели понятие «биографический тип», чтобы выразить интуицию ухватывающую и доводящую до понимания смысл связи между структурой и качеством индивидуальных жизней-биографий и таковыми же особенностями той культуры, которой они принадлежат. Люди неосмысленно как бы «следуют» ее предписаниям, точнее, в своей жизни воспроизводят основные культурные компоненты, их конфигурацию. Жизнь ныне позабытого, а некогда произведшего некоторое впечатление на впечатлительные преимущественно артистические умы европейцев, упомянутого Ф. ▶ **Майнлендера** ▶ тому пример [1].
Сын торговца из германского городка Оффенбах над Майном, он с ранних юношеских лет обнаружил неодолимые ярко выраженные гуманитарные наклонности, помешавшие ему наследовать надежную расчетливо-деловую профессию своего отца. Умственным исканиям впечатлительной натуры, в которой уже предчувствовалась хрупкость и капризная изломанность характера молодых людей, составивших поколение декадентов, была как бы предопределена встреча с философией Шопенгауэра. Роковая встреча произошла в год смерти философа — 1860, год, отмеченный и взрывом общего интереса к его метафизической системе. Именно тогда в руки юноши случайно попал том «Мир как воля и представление». Ни один человек до этого не читал этот труд с таким жаром и лихорадочной интенсивностью, с каким поглотил его ▶ **Майнлендер** ▶. И хотя после этого философские штудии ▶ **Майнлендера** ▶ продолжались столь же интенсивно, охватывая десятки философских имен и систем, ничто уже не могло победить в нем той зачарованности вдруг открывшимся смыслом бытия и его философской достоверности, какую он воспринял из сумрачной метафизики волевого принципа мира: «Лишь четыре имени перенесут все штормы и перемены надвигающихся времен и исчезнут только вместе со всем человечеством, имена Будды, Христа, Канта и Шопенгауэра», — писал

позднее ◀ **Майнлендер**. Характерен сплав имен! Это не эклектика, если вспомнить, что и Канта эта эпоха воспринимала как одного из родоначальников пессимизма.

Что такое «чисто русское самоубийство»? Допившись до потери человеческого облика, перепилить себе горло тупым ножиком среди мусорных куч, как это сделал Николай Успенский.

Что такое «чисто немецкое самоубийство»? Это когда серьезный, подающий большие надежды молодой философ по имени Филипп Батц (1841-1876) чрезмерно увлекается Шопенгауэром, издает блестящую книгу «Философия отречения» и немедленно воплощает свои теоретические выкладки на практике – перерезает себе горло идеально острой золингенской бритвой. «...Я вспоминаю о трагическом Филиппе Батце, известном в истории философии под именем Филиппа Майнлендера, – пишет в новелле „Биатанатос“ Борхес. – Как и я, он был пылким почитателем Шопенгауэра. Под его влиянием (а также влиянием гностиков) я вообразил, что мы – частицы какого-то Бога, который уничтожил себя в начале времен, ибо жаждал стяжать небытие. Всемирная история – мрачная агония этих частиц». Но аргентинца Борхеса эта трагически-величественная концепция к самоубийству не подтолкнула (хоть и заставила о нем задуматься), а немецкого философа побудила к незамедлительному и бесповоротному действию.

Как тревожился Достоевский, что немецкий философский максимализм перекинется на разудалую русскую равнину и примет характер всеобщего нигилистического безумия! Однако последователи Майнлендера – за исключением одного-двух экзотических случаев – обнаружались лишь в романах самого Достоевского: Крафт, Кириллов, тем же закончил бы, вероятно, и Иван Карамазов, если б не сошел с ума, предвосхитив путь Фридриха Ницше. Не литературным, а реальным русским людям «философские» самоубийства в духе Робера и Кириллова не свойственны. Во всяком случае, среди литераторов (включая сюда и философов) нам подобные случаи неизвестны. Очевидно, русским не хватает Fleiss, чтобы логически дойти до самого конца. А возможно и другое – на помощь приходит великий спаситель и модератор, имя которому самоирония.

Русскому человеку и тем более русскому писателю быть очень уж серьезным совестно. У нас отсутствие чувства юмора считается пороком или, во всяком случае, недостатком. Немец же (не отдельный немец, который может быть сколь угодно остроумен, а Немец) серьезен и не мешает в одну кучу дело с потехой: есть время писать философский трактат и есть время от души похохотать. Слово unserios обозначает очень несимпатичное качество: не просто «несерьезный», а «ненадежный, несолидный, не заслуживающий доверия». Только тот, кто unserios, поняв, что жизнь лишена смысла, может пожать плечами и жить себе дальше. Солидный человек должен сделать для себя соответствующий вывод. Фридриха Ницше, сбросившего с себя немецкую сдержанность (но оттого не переставшего быть по-немецки, т.е. саморазрушительно, последовательным), крайне раздражала в соотечественниках эта тяжеловесная и небезопасная черта. Правда, Ницше был склонен винить во всем немецкий национальный напиток: «Сколько угрюмой тяжести, вялости, сырости, халата, сколько пива в немецкой интеллигенции!» Но я не готов типологизировать национальные характеры по принципу излюбленного напитка, поэтому ограничусь констатацией общеизвестной аксиомы: без юмора жить на свете (и выжить) тяжелее.